
Н.Н. Мазур

МЕТАФИЗИКА МУХИ: БАРАТЫНСКИЙ И ПАСКАЛЬ

РОПОТ

Красного лета отрава, муха досадная, что ты
Вьешься, терзая меня, льнешь то к лицу, то к перстам?
Кто одарил тебя жалом, властным прервать самовольно
Мощно-крылатую мысль, жаркой любви поцелуй?
Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца,
Дикого скифа творишь, жадного смерти врага¹

⟨Не позднее первой половины 1841⟩

Первый содержательный комментарий к этому тексту был дан в издании Баратынского 1936 года, составители которого – Е.Н. Купреянова и И.Н. Медведева – предположили, что эпиграмма направлена «против литераторов круга “Москвитянина” ⟨...⟩. Именуя себя *Нег европейских питомцем*, Баратынский подчеркивает свою оппозиционность славянофиль-

¹ См.: *Баратынский Е.А.* Сумерки. М., 1842. С. 38–39. Автограф неизвестен. В цензурном экземпляре сборника (Рукописный отдел Пушкинского дома. Ф. 33. Оп. 1. № 43. Л. 14 об.) эпиграмма набрана без заглавия с одним разночтением: *своевольно* вместо *самовольно*. Впервые опубликована: Отечественные записки. 1841. Т. 17. № 7, 155. В журнальной публикации есть те же разночтения с “Сумерками”, что и в цензурном экземпляре, кроме того, в строке 4 напечатано *жаркий* вместо *жаркой*.

скому направлению “Москвитянина”»². Эта точка зрения была безоговорочно принята последующими комментаторами – Л.Г. Фризманом³ и В.М. Сергеевым⁴. К ним присоединился и норвежский исследователь жизни и творчества поэта Г. Хетсо, принявший гипотезу об адресате и дополнивший ее указанием на сюжетный античный претекст “Ропота”: «Исходя из мифа о Геракле, побежденном роем комаров, поэт изображает в нем славянофильский кружок Киреевского в образе кусающегося комара и восклицает: *Ты из мечтателя мирного, нег европейских питомца, / Дикого скифа творишь, жадного смерти врага*»⁵.

Последняя догадка Г. Хетсо, несомненно, нуждается в уточнении. Дело в том, что в античных источниках мифологический сюжет о борьбе Геракла с комарами/мухами не зафиксирован – его можно лишь гипотетически реконструировать из намека Павсания: “Говорят, когда Геракл, сын Алкмены, приносил жертву в Олимпии, ему страшно надоедали мухи; сам ли он нашел это средство или кто его научил, но он принес жертву Зевсу Апомию (Отвратителю мух) и таким образом прогнал мух за Алфей. Говорят, что по этой

² См.: Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. В 2 т. Л., 1936. Т. II. С. 271. Во втором издании “Библиотеки поэта”, где составителем значилась только Е.Н. Купреянова, эпиграмма была напечатана без какого-либо содержательного комментария; см.: Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1957. С. 369.

³ См.: Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. С. 644–645; *Он же*. Полное собрание стихотворений. СПб., 2000. С. 488.

⁴ См.: Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Л., 1989. С. 423.

⁵ См.: Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Осло, 1973. С. 195–196.

самой причине элейцы приносят жертвы Зевсу Апомию, когда изгоняют мух из Олимпии” (Paus., V, 14, 1)⁶. Исключить изобретение такого сюжета в позднейшей литературной или изобразительной мифографии, разумеется, нельзя, однако установить, на что именно опирался Г. Хетсо, толкуя текст Баратынского, пока представляется затруднительным. Эта лакуна, впрочем, кажется не слишком существенной, поскольку и в фольклоре, и в литературе известны и другие варианты мотива, рефлекс которого можно усмотреть в “Ропоте”: победа маленького существа (или существ) над противником, многократно превосходящим его силой и размерами⁷. В частности, этот инвариантный мотив в своих “энтомологических” реализациях встречается в “Похвале мухе” Лукиана⁸, в баснях Эзопа и Бабрия “Лев и комар” (Aesop., 267; Babr., 18) и текстах последующей басенной традиции [ср. одноименное подражание

⁶ Фрагмент из “Описания Эллады” цит. в пер. С.П. Кондратьева. С известием Павсания, возможно, следует сопоставить свидетельства о том, что в Риме жертвоприношения для избавления от мух совершались в храме Геркулеса (см.: *Топоров В.Н.* “Муха” // Мифы народов мира. Энциклопедия / Под. ред. Е.М. Мелетинского. М., 1988. Т. 2. С. 188).

⁷ См.: *Thompson S.* Motif-Index of Folk-Literature, 1–6. Copenhagen and Bloomington, Ind., 1955–1958. Th L315, Th L 315.6.

⁸ Лукиан, в частности, цитирует отрывок из не дошедшей до нас античной трагедии: “Какой позор! Бесстрашно муха на людей / Стремит полет отважный, жаждет смерти их, / И воины робеют пред копыем врага” (9). Любопытно, что в “Похвале” в связи с мухами, хотя и в ином контексте, появляются и скифы: “Муха не лепит, не плетет себе постоянного гнезда, выбирая, подобно скифам, блуждающие перелеты, и, где бы ни застала ее ночь, там она находит и пищу, и сон” (11, перевод К.М. Колобовой).

Лафонтена “Le Lion et le Moucheron” (II, 9) и его русские переводы (А.П. Сумароков, И.И. Дмитриев, И.А. Крылов)]⁹. Однако, эти тексты (как и вариант Г. Хетсо), на наш взгляд, не могут претендовать на статус прямого источника “Ропота”: конкретный сюжет эпиграммы значительно отличается от перечисленных мотивных версий, а его концептуальное наполнение делает это отличие еще более очевидным.

Предположение об адресате(-ах) “Ропота”, выдвинутое первыми комментаторами без каких-либо обоснований, также требует обсуждения. Сам прием изображения клеветника / критика в виде насекомого имел длительную традицию [ср. максимуму Шамфора: *Клевета похожа на докучную осу: если у вас нет уверенности, что вы тут же на месте убьете ее, то и отгонять ее не пытайтесь, не то она вновь нападет на вас с еще большей яростью*, или пушкинские эпиграммы “Совет” (1825)¹⁰ и “Собранье насекомых”

⁹ Заметим, однако, что в басне Эзопа и в ее последующих переложениях “моральная правота” была на стороне комара, который наказывал льва за пренебрежение “малыми”; “демократическая” направленность текста была смягчена только в переводе И.И. Дмитриева: у него зазнавшийся комар-победитель сам оканчивал свою жизнь в паутине. Из поздних внебасенных отголосков мотива “войны с мухами” можно упомянуть одну из “Гном” Кюхельбекера (1829): “Он мух убил бесчисленную тьму; / А муха ж не дала заснуть ему” (*Кюхельбекер В.К. Избранные произведения: В 2 т. М.; Л., 1967. Т. 1. С. 218*).

¹⁰ См.: Шамфор. Максимумы и мысли. Характеры и анекдоты / Пер. Ю.Б. Корнеева и Э.Л. Линецкой. М., 1993. С. 57;

О “мушиной” метафорике у Пушкина и ее эпиграмматическом использовании см.: *Добродомов И.Г., Пильщиков И.А. “Мухи” // Онегинская энциклопедия: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 150–151.*

(1828)]. Однако соотнесение адресата(-ов) Баратынского с кругом “Москвитянина” представляется натянутым: единственным основанием для него является оппозиция *европеец–скиф*, которая не допускает однозначного толкования. С тем же успехом превращение *нег европейских питомца в дикого скифа* можно трактовать и как намек на перемену во взглядах И.В. Киреевского: некогда издававший журнал с характерным названием “Европеец”, к началу 1840-х годов он превратился в убежденного славянофила. В любом случае, предположение об антиславянофильской направленности “Ропота” необходимо подтвердить примерами идеологической или литературной полемики между автором и возможными адресатами эпиграммы, между тем как факты такой полемики документально не зафиксированы, зато хорошо известна семейная подоплека ссоры Баратынского с Киреевским.

В целом, прочтение “Ропота” как адресно-сатирической эпиграммы не кажется нам убедительным уже потому, что такой текст резко выбивался бы из общего контекста “Сумерек” – сборника, написанного в совершенно ином смысловом и стилистическом регистре¹¹.

¹¹ Характерно, что С.П. Шевырев, вскоре после выхода “Сумерек” опубликовавший в “Москвитянин” небольшую, но крайне благожелательную рецензию на сборник, не усмотрел в нем никаких сатирических элементов: «Больше всего поражает в “Сумерках” Баратынского чудное изменение, в нем происшедшее: глубокая сосредоточенная меланхолия – плод опыта жизни – удалила все прежнее, легкие, светлые мысли и чувства, покрыла самую черную тенью живой образ его возмужалой музы и воцарилась на нем одна, без спутников, без всякого иного окружения. Такая метаморфоза в одном из сверстников Пушкина есть событие весьма замечательное и достойное изучения» (цит. по: Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского. 1800–1844. М., 1998. С. 396).

На наш взгляд, гораздо вероятнее, что в “Ропоте” (как и еще в одной антологической эпиграмме “Сумерек”¹²) за мнимо-сатирическим фасадом скрывается философская проблематика. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить текст Баратынского со следующим фрагментом из “Мыслей” Блеза Паскаля¹³:

L'esprit du plus grand homme du monde n'est pas si indépendant qu'il ne soit sujet à être troublé par le moindre tintamarre qui se fait autour de lui. (...) Ne vous étonnez pas s'il ne raisonne pas bien à présent; une mouche bourdonne à ses oreilles: s'en est assez pour le rendre incapable de bon conseil. Si vous voulez qu'il puisse trouver la vérité, chassez cet animal, qui tient sa raison en échec, et trouble cette puissante intelligence qui gouverne les villes et les royaumes¹⁴

¹² Разбор философских подтекстов эпиграммы “Филида с каждою зимою” см. в: *Мазур Н.Н.* “Правда без покрова”: об одной эпиграмме Баратынского // *In Other Words. Studies to Honor Vadim Liapunov.* Indiana Slavic Studies. Vol. 11 (2000). Indiana University, 2002. P. 207–232.

¹³ См.: *Pascal B.* *Pensées de Blaise Pascal, précédées d'une notice sur sa vie, par madame Périer, sa soeur.* Paris, 1843. P. 153. Это воспроизведение авторитетного издания Ш. Боссю (Ch. Bossut), впервые вышедшего в 1779 году и заменившем первое издание “Мыслей” (так называемое издание Пор-Рояля) более, чем на полвека. Пересмотр установившейся эдичионной практики начался практически одновременно с выходом “Сумерек”: после выступления Виктора Кузена во французской Академии в 1842 году было принято решение о подготовке нового издания “Мыслей”, которое было подготовлено Проспером Фожером (1844).

¹⁴ Еще один близкий по смыслу фрагмент из “Мыслей”: “La puissance des mouches, elles gagnent des batailles, empêchent notre âme d'agir, mangent notre corps” (Могущество мух: они выигрывают сражения, мешают нашей душе действовать, едят наше тело) в изданиях, современные Баратынскому, еще не включался.

Дух даже самого великого человека в мире так зависит от внешних обстоятельств, что малейший шум способен привести его в смятение. (...) Не удивляйтесь, если сейчас он не способен рассуждать здраво: муха жужжит у него над ухом и этого достаточно, чтобы он оказался не в состоянии дать разумный совет. Если вы хотите, чтобы он смог отыскать истину, прогоните насекомое, которое омрачает его разум и тревожит это могущественное сознание, управляющее городами и королевствами¹⁵.

Это наблюдение Паскаля породило немало подражаний. Известный французский богослов, Пьер Николь, принимавший участие в подготовке первого

¹⁵ Любопытно, что и фрагмент Паскаля, и эпиграмма Баратынского находят параллели в “мушиной” фразеологии, используемой для обозначения психического состояния человека во французском и во многих славянских языках. “On dit prov. & fig. qu’*Un homme est tendre aux mouches, pour dire, qu’il est sensible aux moindres incommoditez, & qu’il s’offense de peu de chose*” (Фигурально выражаясь, говорят, что “человек чувствителен к мухам”, когда хотят выразить, что он чувствителен к малейшим неудобствам и обижается на мелочи) – это толкование фиксировалось в Словаре французской Академии с первого издания (1694) по шестое (1832–1835 гг.), современное Баратынскому. Выражения *Prendre la mouche* (Поймать, проглотить муху) и *Quelle mouche le pique? quelle mouche l’a piqué?* (Какая муха его кусает? Какая муха его укусила?), обозначающие соответственно беспричинную обиду и беспричинный гнев, бытуют во французском языке и по сей день. Последнее выражение имеет эквивалент в русском и в польском языке; в украинском, польском и чешском *иметь муху на носу* означает *быть сердитым, раздражительным, вспыльчивым*, а *иметь муху в голове* в украинском, чешском и болгарском значит *быть сумасбродным, легкомысленным, бестолковым*; подробнее об этом см.: Терновская О.А. Ведовство у славян. II. Бзык (мухи в голове) // Славянское и балканское языкознание. [Вып. 9]: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 436–448.

издания “Мыслей”, перефразировал его в трактате “О слабости человека” (“De la faiblesse de l’homme”): *une mouche qui passera devant ses yeux est capable de le distraire de la contemplation la plus sérieuse* (муха, пролетевшая перед глазами человека, способна отвлечь его от самых серьезных размышлений)¹⁶. Вовенарг цитировал и разбирал этот фрагмент в главе “Ограниченность человеческого ума” (“Sujétion de l’esprit de l’homme”) в своих “Размышлениях на разные темы” (“Réflexions sur divers sujets”)¹⁷. Однако, помимо последователей, у Паскаля были и предшественники – вполне вероятно, что в этом фрагменте он опирался на следующий пассаж из “Опытов” Монтеня:

Or ce grand corps, à tant de visages et de mouvements, qui semble menacer le ciel et la terre; (...) ce furieux monstre, à tant de bras et à tant de testes, s’est tousiours l’homme, foible, calamiteux et miserable; (...) un souffle de vent contraire, le croassement d’un vol de corbeaux, le fauls pas d’un cheval, le passage fortuite d’un aigle, un songe, une voix, un signe, une brouee matiniere, suffisent à le renverser et porter par terre. (...) qu’on luy esvente seulement un peu de pouisiere aux yeulx, comme aux mouches à miel de nostre poëte, voylà toutes nos enseignes, nos legions, et le grand Pompeius mesme à leur teste, rompu et fracassé; (...) Qu’on descouple mesme de nos mouches aprez, elles auront et la force et le courage de le dissiper¹⁸.

(...этот многоликий великан, который как бы сотрясает небо и землю, (...) это страшное чудовище о стольких головах и руках – всего лишь злополучный, слабый и жалкий человек. (...) Достаточно одного порыва противного ветра, крика воро-

¹⁶ См.: Nicole P. Essais de morale contenus en divers traites sur plusieurs devoirs importants. Paris, 1701. Vol. 1. P. 52.

¹⁷ См.: Вовенарг. Размышления и максимы. Л., 1988. С. 93–94.

¹⁸ См.: Montaigne M. Essais. Paris, 1854. P. 238–239.

на, неверного шага лошади, случайного полета орла, какого-нибудь сна, знака или звука голоса, какого-нибудь утреннего тумана, чтобы сбить его с ног и свалить на землю. (...) достаточно бросить ему немного пыли в глаза (или напустить пчел (*mouches à miel*), как мы читаем у нашего поэта), и сразу все наши легионы даже с великим полководцем Помпеем во главе будут смяты и разбиты наголову. (...) Да и сейчас, если напустить на толпу рой пчел (*mouches*), он рассеет ее¹⁹.

У Монтеня отрывок о могуществе пчел входил в главу “Апология Раймонда Сабундского” (Кн. 2, гл. XII), где развивался важнейший аргумент скептиков: человек не просто подобен остальным животным, но и уступает многим из них силой или разумением; крошечные насекомые способны победить многочисленное войско под предводительством военного гения. Паскалю противопоставление человека и насекомого нужно для иллюстрации иного тезиса; неслучайно в его тексте использована не пчела, а ее символический антагонист – муха²⁰, олицетворяющая идею хаоса и распада (ср.: “мифологическая отмеченность мухи актуализирует тему малого, ничтожного, вредящего большому и значительному”²¹). В христианской символике муха че-

¹⁹ См.: *Монтень М.* Опыты / Пер. Ф.А. Коган-Бернштейн. М., 1980. С. 413. Обратим внимание на то, что в процитированном фрагменте Монтень называет пчел медовыми мухами или просто мухами; слово *abeilles* (пчелы) появляется фразой ниже, в описании защиты индийского города Тамли.

²⁰ Ср. славянские поверья о мухах как пчелах дьявола, описанные в кн: *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. С. 437–438. О соотношении мифопоэтических образов мух и пчел в русской литературе см.: *Hansen-Löve Aage A.* Мухи – русские, литературные // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. 4. SOW. Warszawa, 1999. P. 95–131.

²¹ *Топоров В.Н.* Муха // Мифы народов мира. С. 188.

рез идею разложения плоти обозначает греховность и смертность человека. Мифопоэтические коннотации образа мухи были, по всей видимости, актуальны и для Паскаля: у него муха, нарушающая ход человеческой мысли, – это знак зависимости духа от плоти, напоминание о тварной природе человека.

В посылке “Ропота” Баратынский развивает наблюдение своих предшественников: у Монтеня могущество насекомых противопоставлено физической силе и военному гению человека; у Паскаля – здравости разума; у Баратынского – разуму и страсти²². В коде – заостренном “хвосте” эпиграммы – основной тезис получает новый поворот: картина стремительного одичания благовоспитанного человека в охоте за мучительницей-мухой иллюстрирует хрупкость границы, отделяющей мирного европейца от необузданного варвара. Таким образом, “Ропот” может быть связан с дискуссией о том, насколько процесс цивилизации способен изменить человеческую природу, не утихавшей на протяжении XVIII и XIX в.²³

Если мы посмотрим на эпиграмму Баратынского под этим углом, то в тексте явственно обозначится косвенная номинация ее основного источника: “мощнокрылатая мысль” ассоциируется с кратким заглавием знаменитого труда Блеза Паскаля – “Мысли”.

²² Мотив мухи – нарушительницы покоя будет подхвачен Апухтиным, который обыгрывает уже не противопоставление мухи и мысли, а их тождество: “Мухи, как черные мысли, весь день не дают мне покою: / Жалят, жужжат и кружатся над бедной моей головою!..” См.: Апухтин А. Н. Стихотворения. Л., 1961. С. 148. Ср. также стихотворение И. Ф. Анненского “Мухи как мысли” (“Памяти Апухтина”).

²³ См.: Старобинский Ж. Слово “цивилизация” // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002. Т. I. С. 110–149.

ТЕКСТ И КОММЕНТАРИЙ

Круглый стол
к 75-летию
Вячеслава
Всеволодовича
Иванова



МОСКВА НАУКА 2006